

*Посвящается Ррону.
Историю нашей любви я бы не смогла написать,
даже если б постаралась*

ГЛАВА 1

Айсла

Айсла Краун часто ныряла в лужи звезд и оказывалась в далеких краях. Делала она это всегда без разрешения — и как будто в самое неподходящее время.

Даже спустя пять лет телепортаций от этого процесса у нее ломило кости. Она вцепилась в свой звездный жезл, дыхание в груди словно закупорилось, как флаконы с редкими духами на ее туалетном столике, вокруг нее кружилась стеклянная комната, разломленные цвета сливались в едином вихре, пока вдруг гравитация не придавила Айслу к полу, как свободно болтавшуюся по Вселенной нитку.

Она успела надежно спрятать жезл за спину под платье, вдоль позвоночника, когда распахнулась дверь.

— Что с твоими волосами? — громко вскрикнула Поппи, следом за которой влетела Терра, лязгая множественством ножей и мечей на поясе.

Состояние волос беспокоило Айслу меньше всего, хоть она и не сомневалась, что они походили сейчас на толщу мха. Во время путешествий между новоземьями королевства растрепывались даже самые туго закрученные колечки волос и самые плотно заплетенные

косички — по правде сказать, неожиданный побочный эффект.

Айсла не считала себя экспертом в использовании жезла. Поначалу лужи звезд переносили ее в неожиданные места. В заснеженные деревни Лунианских Новоземий. На легкие беззаботные празднества небесных Новоземий. Иногда — в земли, не заселенные ни одним из шести народов. Постепенно она научилась возвращаться в места, в которых уже бывала. На этом ее мастерство заканчивалось. Как бы то ни было, она точно знала, что эта загадочная штука позволяла ей преодолевать сотни километров в секунду.

Терра вздохнула, сняв ладонь с рукояти своего клинка.

— Да просто несколько прядей выбилось, Поппи, — сказала она.

Поппи ей не ответила. Она бросилась к Айсле с пузырьком густого масла из листьев и принялась орудовать расческой так же рьяно, как Терра когда-то учила Айслу размахивать оружием. Из-за плеча наставницы по чарам она улыбнулась своему учителю боевых искусств, вскрикнув, когда Поппи начала резко вынимать шпильки.

Та покачала головой и пробормотала, зажав закладки губами:

— Придется все делать заново.

— Оставляю тебя одну на час — и ты уже не пойми на кого похожа. А я ведь даже дверь закрыла, чтоб наверняка! Да как ты вообще умудрилась так растрепаться, сидя в своей комнате, птичка моя?

«*В своей комнате*». Это место вовсе не было для Айслы комнатой. Она жила в стеклянной сфере — в том, что осталось от древней оранжереи. Но все

стекла покрасили, все окна опечатали. Двери убрали — все, кроме одной.

Она и правда была птичкой, как ее называла Поппи, а иногда и Терра.

Птичкой в клетке.

Айсла пожала плечами.

— Просто немного пофехтовала.

Она считала Поппи и Терру единственными близкими людьми, хоть те и не были ей родственниками. Все, кто приходился Айсле семьей по крови, давно умерли. Но даже Поппи и Терра не знали про звездный жезл. Если бы узнали, никогда бы не разрешили им пользоваться. Это был единственный ключ, позволявший ей сбегать из своей клетки. Ведь Айслу запирали не только ради ее собственной безопасности, но и для безопасности окружающих.

Терра проводила Айслу подозрительным взглядом и переключила свое внимание на стену, где рядом висели десятки сияющих мечей, словно эдакая замена зеркалу.

— Жаль, что ты не можешь ничего из этого взять с собой, — сказала наставница, указав пальцем на строй клинков. Каждый из них достался Айсле от нее, все были из древнего хранилища замка. Айсла получала их в награду за каждое достижение в тренировках и новый уровень мастерства.

Поппи хмыкнула.

— Это единственное правило Столетнего турнира, с которым я согласна. Нам ни к чему, чтоб она подтверждала ужасные представления других народов о нас.

От нервов Айсла ощутила приводящее в волнение чувство где-то в животе, как будто ветер кружит опавшие листья.

Она принужденно улыбнулась, зная, что это немного приглушит обеспокоенность Поппи: опекунша вечно ворчала на Айслу, что она мало улыбается. У Айслы было мало знакомых, но те, кого она знала, казались вполне понятными людьми. Вот бы еще раскрыть их мотивы. Все чего-то хотят. Некоторые вещи дать довольно просто. Например, улыбнуться преподавательнице по чарам, которая почти двадцать лет учила ее хорошим манерам. Сделать комплимент женщине, которая ценит красоту превыше всего.

— Поппи, хоть ты и очень красивая, все их ужасные представления о нас — правда. Мы и правда монстры.

Поппи вздохнула, вставив последнюю шпильку в волосы Айслы.

— Ты — нет, — многозначительно сказала она.

И хотя слова опекунши были пронизаны любовью — и очень умело, — от них у Айслы все внутри сжалось от страха.

— Готово, — объявила Терра. Она отошла немного назад, к туалетному столику. Айсла смотрела на нее в отражение зеркала, края которого от старости покрылись пятнами. — А ты готова?

Нет. К такому невозможно подготовиться. Столетний турнир многое значил. Это была не только игра, но и шанс разрушить множество проклятий, отравлявших жизнь шести народов; возможность получить непревзойденную силу. Столетний турнир — это встреча шести правителей. Сто дней на острове, обреченном появляться только раз в сто лет.

И почти наверняка он сулил Айсле смерть.

«Ты готова, Айсла?» — спросил голос в ее голове, насмешливый и жестокий.

Страх смягчало только любопытство. Ей всегда хотелось большего: обрести разнообразный опыт, увидеть больше мест, встретить больше людей.

Лайтларк, куда она отправлялась, мог все это дать. Айсла тайком сбегала в лес через разбитую стеклянную панель в своей комнате, пока это не обнаружили ее опекунши и не заделали дыру. Так она встретила Старицу, которая когда-то жила в Лайтларке, как и все дикие, обитавшие там до обрушившихся на мир проклятий, а большинство народов покинуло остров и создало новые земли в разразившемся после катастрофы хаосе. Истории Старицы, как плоды на дереве, были сладостны, и их всегда хотелось больше, чем возможно получить. Она рассказывала о королях, которые могли схватить солнце руками, о белокурых женщинах, способных заставить море танцевать, о замках в облаках и о цветах, что расцветали чистой силой.

Все это происходило до проклятий.

Теперь остров стал тенью самого себя, заложником вечной бури, из-за которой добраться до него не во время Столетнего турнира невозможно — ни на лодке, ни с помощью колдовства.

Однажды ночью Айсла нашла Старицу лежащей на боку у подножия дерева. Можно было подумать, что она спит, если бы ее загорелая кожа не превратилась в кору, а вены — в лозу. Дикие умели пользоваться силой природы при жизни и сливались с ней после смерти.

Но Старица умерла вовсе не от естественных причин. Даже несмотря на то, что она прожила больше пятисот лет и находилась вдали от силы Лайтларка,

Старица скончалась слишком рано. Ее смерть стала первой в череде многих.

И виной тому была Айсла.

Терра повторила вопрос, глядя на нее своими темно-зелеными глазами цвета плюща, которым, словно кожей, был покрыт весь дворец диких. Такого же цвета были глаза самой Айслы.

— Ты готова?

Айсла кивнула, хотя ее пальцы дрожали, когда она протянула руки к стоявшей перед ней короне: простому золотому ободку, украшенному золотыми бутонами, листьями и шипящей змеей. Она надела венец на голову, стараясь не задеть заколки, которые не давали ее длинным каштановым волосам спадать на лицо.

— Красавица, — восхитилась Поппи.

Айсла и без этого комплимента знала, что хороша собой. Красота была даром диких — и их проклятьем. Проклятьем, которое убило ее собственную мать. Тем больше Айслу тревожило, что она, как говорили многие, очень на нее похожа. Поппи встретила с Айслей взглядом в зеркале.

— Ты этого достойна, Айсла, — сказала она с жаром. — Больше, чем кто-либо из них.

Хорошо бы это оказалось правдой.

Нахлынувшая паника проломила маску спокойствия на лице Айслы. Что, если она видит своих опекунш последний раз? Что, если уже никогда не вернется в эту комнату? Ее руки инстинктивно потянулись к опекунам из желания прикоснуться к ним хотя бы еще один раз.

Но не успела она это сделать, как Терра строго посмотрела на нее, из-за чего Айсла замерла.

«Сентиментальность — проявление эгоизма», — будто говорила наставница.

Итог Столетнего турнира решал судьбу не одной только Айслы. Главное — это спасти королевство. Свой народ.

Под осуждающим взглядом Терры Айсла выпрямила спину. Она медленно встала; корона оказалась тяжелее, чем с виду.

— Я знаю, что нужно делать, — сказала Айсла. Каждый правитель, прибывавший на Столетний турнир, лелеял свои надежды. Терра и Поппи с детства вбивали в Айслу свои. — Я буду следовать вашим указаниям.

— Хорошо, — отозвалась Терра. — Ведь на тебя вся надежда.

Замок диких больше походил на лес, чем на каменную твердыню. Его залы напоминали мосты. Деревья тянули свои ветви внутрь коридора, нежно дотрагивались до ее платья, словно прощаясь. Листва шуршала в ответ, когда Айсла касалась ее, проходя по бесконечным комнатам, в которые ей не разрешалось входить самой. Поппи и Терра шли следом. По стенам ползла лоза. Птицы влетали и вылетали из комнат, когда им вздувается. Ветер с завыванием проносился по коридорам, и от его дуновения накидка Айслы развевалась за спиной. Айслу облачили в темно-зеленый наряд, один из цветов ее народа; ткань облежала ребра, талию, колени и стелилась позади шлейфом. Накидка была из газовой ткани, такой прозрачной, что изначальное предназначение — укрывать тело — делалось бессмысленным. Выбор ткани также соответствовал представлениям ее народа.

Дикие всегда гордились своим телом, красотой и способностями. Они безудержно любили, свободно жили и яростно сражались.

Пятьсот лет назад все шесть народов — дикие, стелларианцы, лунианцы, солярианцы, небесные и сумрачные — были прокляты, и их сильные стороны стали, напротив, отравлять им жизнь. Каждым злые чары вредили по-своему.

Проклятие диких оказалось двойным. Они были обречены убивать всех, в кого влюблялись, и питаться исключительно человеческими сердцами. Люди превратились в ужасающе красивых монстров, обладавших злой силой соблазнять одним лишь взглядом.

С тех пор погибли тысячи диких — и мужчин, и женщин.

Влюбляться стало недопустимо. Безрассудно. Детей рождалось все меньше... и так уж сложилось, что у их народа на свет появлялись преимущественно дочери. Хотя любовь и имела разные формы, когда правила нарушались, мужчин убивали чаще, и так дикие постепенно превратились в небольшую общину, состоящую в основном из женщин-воительниц. Их боялись. Ненавидели. Они были слабы, ведь чем меньше людей, тем меньше сил. Столетний турнир — единственная возможность положить конец проклятиям, вернуть прежнюю славу, вновь обрести силу, в которой они так нуждались. Айсла была их единственным шансом.

«На тебя вся надежда...»

Она услышала их прежде, чем увидела. Они скандировали древние кличи, звенели клинками, словно играли на инструментах. Контроль диких над силами природы развернулся в полную силу. Распустившиеся цветы осыпали балкон, рассеивались по залу

и останавливались только у ее ног. Их число множилось в геометрической прогрессии, они переплетались друг с другом в лужицах лепестков и усеивали пол до самых лодыжек. Согласно преданиям, тысячу лет назад дикие могли силой мысли выращивать целые леса, двигать горы одним мановением руки.

Теперь, спустя сотни лет после вступления в силу проклятия, их способности упали до уровня простых фокусников. Именно тогда дикие последний раз касались мощи острова.

Айсла осторожно ступала по цветам, пока не закончились стены замка и она не оказалась перед сотнями ликующих диких.

Благоухали вишни, на других деревьях появились ягоды и кроваво-красные цветы, которые осыпали толпу ярким дождем. Животные выползали из леса и, прокрадываясь к людям, садились рядом со своими компаньонами. Способности владения силами природы у диких различались, но часто они включали в себя родство с животными — у Терры жила большая пантера по имени Тень, с которой наставница разговаривала так же легко, как с Айслоу. У Поппи была колибри, которая любила вить гнезда в ее волосах.

Айсла кивнула, и толпа затихла.

— Для меня большая честь представлять наш народ на Столетнем турнире.

Пульс Айслы участился, барабаном отдаваясь в костях. Она смотрела на толпу, на ошеломленные, полные надежды лица. Некоторые дикие были одеты в платья из кусков ткани с вплетенными в них листьями и лианами. На ком-то не было вообще ничего, кроме висевших на спине мечей. Некоторые явно только что поели: на их губах остались темно-красные

подтеки. Айсла смотрела и изо всех сил пыталась не дрожать. Старалась говорить твердо, не запинаясь, не дать им повода хоть на мгновение задуматься, почему их правительница все время прячется за толстыми стенами своего замка. Почему слугам запрещено входить в ее покои. Она старалась не думать, сколько из этих диких слышало такое же выступление сто лет назад от другого правителя и сколько их вообще осталось после недавней череды смертей. Айсла дала им обещание, потому что именно этого от нее ждали люди. Заверения. Ощущения силы.

— Я клянусь разрушить наше проклятие раз и навсегда.

Они имели полное право волноваться. Неудача Айслы обрекла бы их всех еще как минимум на один век страданий. А позади уже лежало четыре проклятых столетия. Дикая стиснула зубы, ожидая, что толпа увидит ее насквозь, — и надеясь, что представление о том, чего они хотят, не оправдается.

Но утренний воздух задрожал от воплей и поднятых высоко над головами клинков. На верхушках деревьев закричали птицы. Ветер с воем зашелестел листьями. Айсла с облегчением спустилась по лестнице, усыпанной лавиной лепестков. Природа расцветала у ее ног, а толпа расступалась, освобождая ей путь к древнейшим деревьям-близнецам.

Их корни вздымались в воздух и сплетались вместе, образуя круглую, как зеркало, арку. За ней ждала другая сторона леса, безопасная и знакомая. Но она шла не туда. Айсла сглотнула. Она готовилась к этому моменту всю жизнь.

Терра и Поппи положили руки ей на плечи.

Айсла ступила в портал, который работал только раз в сто лет. В ее памяти всплыло последнее, что она сказала своим опекунам: «*Я буду следовать вашим указаниям*».

Если б только это было правдой.